

Берков В.Ф. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛОГИКИ И РИТОРИКИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД)

Логика и риторика – родственные дисциплины. Связь между ними во многом проясняет теория швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. Ему принадлежит идея различения языка и речи. Речь, по Ф. де Соссюру, – индивидуальное явление, язык – «социальный продукт речевой способности», «совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц» [4, с. 362]. Язык составляет основу речи и задает нормы любых проявлений речевой деятельности. Подобно тому как логика имеет отношение к языку, риторика причастна к речи.

«Отцом логики» не без оснований называют великого древнегреческого мыслителя Аристотеля из Стагиры (384–322 гг. до н. э.). Но правомерны вопросы: были ли у него предшественники? Каковы предпосылки его логической теории? Ответом на какие вопросы эта теория явилась?

Решения вряд ли возможны при обращении лишь к трактатам самого Стагирита. Требуется основательный анализ социокультурного фона и сложившейся интеллектуальной атмосферы в Древней Греции той эпохи.

В качестве предпосылок возникновения исторически первой логической теории, каковой была система Аристотеля, исследователи выделяют следующие:

- совершенствование политического красноречия в условиях ожесточенных дискуссий по вопросам власти;
- развитие основанной на состязательности мнений судебной системы;
- организацию межполисных отношений (как с учетом внутренних раздоров, так и в условиях внешней угрозы со стороны огромного варварского мира);
- первые результаты обобщений и систематизации научного познания в области биологии, геометрии, астрономии и других наук.

Как видим, среди этих предпосылок первостепенная роль отводится процессам общения. Не случайно в антиковедении риторика считается одной из наиболее важных и фундаментальных категорий античной культуры.

Древняя Греция V–IV вв. до н. э. породила плеяду блестящих ораторов – Горгий, Андокид, Лисий, Исократ, Гиперид, Демосфен, Динарх, Эсхин. Их произведения вошли в золотой фонд европейского красноречия. Используя достижения греческой мысли в области философии, этики, педагогики, переводя их на язык практической идеологии, ораторы оказывали огромное влияние как на формирование общественного мнения, так и на принятие важнейших решений в области государственного управления.

Говоря обобщенно о развитии логико-риторических идей к середине IV в. до н. э., можно констатировать следующее. В разработку этих идей было вовлечено большое множество выдающихся мыслителей. Результаты их стараний отличались отсутствием единства в методологических подходах и теоретических выводах. Повседневная практика красноречия не могла удовлетворить людей, озабоченных состоянием нравственности граждан и будущим древнегреческой государственности. За разрешение этой кризисной ситуации взялся выдающийся ученик Платона Аристотель из Стагиры.

Рассмотрению логико-риторических проблем Аристотель посвятил свой первый крупный философский трактат – «Топику», а также (видимо, более позднюю) «Риторику». «Топика» предварают цикл произведений, позже получивший название «Органона». Кроме «Топики» в «Органон» включаются: «О софистических опровержениях» (есть предположение, что этот трактат является девятой книгой «Топики»), «Категории», «Об истолковании», «Аналитика первая», «Аналитика вторая».

«Топика» представляет собой попытку (и не безуспешную) создания теории диалога. В любом диалоге, как считает Аристотель, существуют общие приемы исследования вопросов, а общие места по-гречески называются *topos*. Отсюда и название данного сочинения.

Рассматривая виды диалога, Аристотель отличает совместное исследование, организованное в форме дискуссии, от беседы учителя с учеником, а также от учебного спора, наконец, от спора, в котором цель сторон состоит в том, чтобы одержать победу над противником перед лицом каких-то лиц, выносящих свое решение [2]. С этими различиями связаны различия в характере посылок и способе выводов. Вне сферы того или иного словесного препирательства лежит область научных доказательств, в которых из истинных посылок делаются силлогистические выводы. В спорах же дело обстоит иначе: здесь, если спор носит исследовательский или учебный характер, посылки могут быть вероятными, а формы обоснования также и более свободными (например – полная индукция через простое перечисление и аналогия, в терминах Аристотеля: индукция и сходство). Под вероятными понимаются такие высказывания, которые кажутся истинными. Наконец, в споре, где речь идет о победе над противником, пререкающиеся стороны зачастую используют ложные посылки и позволяют себе делать обманные выводы. Такой спор, в котором для достижения победы пользуются ложными посылками и практикуют паралогизмы, называется софистическим спором.

«Риторика» Аристотеля посвящена теории красноречия как искусству убеждения и имеет особую логическую направленность. Но этот трактат оперирует не только узкологическими, доказательными (аподиктическими) категориями. В риторической концепции Аристотеля важное место занимают выводы относительно кажущегося возможным и вероятного бытия. Возможное и вероятное используется в тех случаях, когда реальная достоверность оказывается недостаточной. Таким образом, аристотелевская риторика не довольствуется достоверным знанием, так как человеческая жизнь и человеческое общение не ограничиваются только точно проверенными силлогизмами, а, наоборот, полны неожиданных суждений и мыслей, придающих речи особую убедительность и даже воздействующих на других людей и на целое общество. В риторике Аристотеля, таким образом, объединяются процессы логические и нелогические, рациональные и иррациональные, как это

и необходимо для передачи всего многообразия жизненной и творческой практики человека. Конечная задача риторики – обучение искусству убедительно говорить на основе методов как логических, так и внелогических доказательств, поэтому она непосредственно соприкасается с художественным творчеством, где техника красноречия уже играет второстепенную роль.

Рассматривая взаимоотношение логики и риторики в древности, следует обратить внимание на следующую тенденцию: в V–IV вв. до н. э. развитие теории общения шло по линии ее логизации. Исследователи заметили важное свойство познающего мышления человека: если вначале высказываются некоторые утверждения, то затем могут быть признаны и другие утверждения, но не любые, а лишь строго определенные. Познающее мышление, таким образом, подчинено некоей принудительной силе, его результаты во многом детерминированы и предопределены предшествующим знанием. Данное свойство широко использовал Сократ в своих диалогах. Умелой постановкой вопросов он направлял своего собеседника к принятию вполне конкретных выводов. Характеризуя свой метод, Сократ пояснял, что его манера вести беседу подобна тому, что делает акушерка, которая сама не рождает, но принимает роды. Так и он лишь спрашивает других, способствуя рождению истины, самому же ему нечего сказать. (Поэтому свой метод Сократ назвал майевтикой – искусством повивальной бабки).

Ученик Сократа Платон, затем Аристотель сделали детерминированность мышления предметом специального исследования. Результаты Аристотеля особенно впечатляющи. Его успех связан с тем, что он устранил из рассуждений то, что может быть названо их содержанием, сохранив только форму. Этого он достиг, подставив в суждениях вместо названий с конкретным содержанием буквы (переменные). Подход Аристотеля продемонстрировал тот факт, что достоверность результатов различных по содержанию рассуждений зависит не только от истинности исходных положений (посылок), но и от отношений между ними, способа их соединения, т. е. от формы рассуждения (логической формы). Тем самым Аристотель положил начало науке об общезначимых средствах и формах мышления, законах рационального познания. Позже эту науку стали называть логикой.

Логика не ограничилась выяснением случаев, когда истинность посылок гарантирует истинность заключения. Эта разновидность рассуждений стала предметом одной ее ветви – дедуктивной логики. Но уже Демокрит обсуждает проблему индукции, посредством которой осуществляется переход от частных утверждений к общим положениям, имеющим вероятностный характер. Особый интерес к индукции проявляется в XVII–XVIII вв., когда стали быстро развиваться опытные науки. Английскому философу Ф. Бэкону принадлежит первая попытка теоретического осмысления индукции, которая, как он думал, способна служить единственным методом познания природных явлений в целях их применения на пользу людям.

В настоящее время логика представляет собой достаточно разветвленную научную дисциплину. Ее важнейшим и наиболее зрелым разделом является формальная логика. При решении логических проблем активно используются математические методы. Происходит математизация логики, создаются логические исчисления. В 30-е гг. XX в. развитие формальной логики связано с решением многих проблем металогики (греч. Мета – после, за, позади), изучающей принципы построения и общие свойства формальных систем, например, проблемы непротиворечивости, полноты, независимости системы аксиом, разрешимости, возможностей этих систем выражать содержательные теории и др. Закладываются основы «машинного мышления». Формальная логика становится не только инструментом точной мысли, но и «мыслью» первого точного инструмента – компьютера, непосредственно в роли партнера включенного человеком в сферу решения стоящих перед ним задач.

Как видим, логика стала самостоятельной, независимой от риторики наукой. В древности же (у Сократа, Платона, Аристотеля и др.) логика и риторика существовали в единстве и как бы обслуживали друг друга. Но уже Цицерон наблюдает тот факт, что «возник раскол, так сказать, языка и сердца, раскол бессмысленный, вредный и достойный порицания, именно – обычай учить отдельно мысли и отдельно речи» [5, с. 172].

Долгое время риторика существовала как наука об ораторском искусстве (гр. *ritor* – оратор). В XIX в. учение о речевом выражении мысли влилось в поэтику и стало частью теории литературы под названием стилистики. По существу риторика долгое время развивается как филологическая дисциплина, исследующая главным образом специфику языка художественной литературы. В центре внимания находятся различные «украшения» речи – тропы (гипербола, мейозис, метонимия, метафора, аллегория, ирония и др.), риторические фигуры (риторический вопрос, притворное недоумение, обращение к слушателю за советом); много внимания уделяется способам управления голосом и пр.

Вместе с тем, в Новое время постепенно накапливаются предпосылки восстановления союза риторики и логики. И. Кант обращает внимание на некоторые прагматические свойства языковых выражений, в связи с этим, считает, что логика "может многое приобрести в отношении точности, определенности и отчетливости" [3, с. 328]. Он проделал большую работу, чтобы продвинуть ее в этом направлении. Понятия ясности, точности, отчетливости и др. он сделал предметом пристального анализа. Значительное место им отводится критике видимости. В противоположном направлении идет А.Шопенгауэр, обращаясь к вопросу о том, как создается видимость путем различного рода уловок.

Бросая ретроспективный взгляд на соотношение знаний в гуманитарной сфере, Н. С. Автономова пишет: «Когда-то в Греции, во времена Второй софистики, философия одержала победу над риторикой, доказательство – над убеждением, предметная мысль – над достижением какой-то внешней цели. В современной ситуации риторика в мировой культуре взяла реванш над философией, подчинив ее объективные устремления функциональной оправданности. А теперь, наверно, имело бы смысл вновь обратиться риторике на службу философии» [1, с.28].

Думается, такое обращение уже свершилось. Можно даже утверждать о коренном переломе в отношениях между риторикой и философией, риторикой и логикой. В этом плане привлекает внимание специалистов вышедшая в 1958 году книга бельгийских ученых Х. Перельмана и Л. Ольбрехт–Титеки «Новая риторика», идеи которой явно расходятся с устоявшейся традицией. Во главу угла авторы ставят способы убеждения аудитории с помощью прежде всего речевого воздействия.

Но нельзя забывать о более ранних разработках этих же идей русским логиком С. И. Поварнинным в талантливо написанной книге «Спор. О теории и практике спора» (Пг., 1918). Эта книга является ярким образцом практической логики. Она учит приемам, освоение которых совершенно необходимо для выработки культуры дискуссии, способности понимания собеседника, без чего невозможен, как известно, плодотворный диалог.

Как видим, риторика возвращается к своим истокам, к идеям, которые отстаивали Сократ, Платон, Аристотель. Возрождается широкое (общелитературное, лингвистическое и даже философское) значение риторики как теории эффективной речевой коммуникации, как знания о приемах речевого убеждения и законах речевого воздействия на человека. В настоящее время «новая риторика» разрабатывается во многих странах – в США (Г. Джонстон), в Нидерландах (Р. Гроотендорст, Ф. ван Еемерен), в России (А. А. Ивин).

Источники и литература

1. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. – 1999. – № 11.
2. Аристотель. Топика. – VIII, 5.
3. Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 328.
4. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики (извлечения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч. I.
5. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

Коротченко Ю.М.

ОНТОЛОГИЯ У. ВАН О. КУАЙНА: ОТ ТЕЛ К КЛАССАМ

*Слова сопровождают мысли о чем угодно,
и лишь в той мере, в какой мысль
выражена в слове, мы можем
четко осознать ее.
У. ван О. Куайн*

Целью настоящей публикации является реконструкция в основных моментах онтологической модели, разработанной американским философом и логиком, методологом науки Уиллардом ван Орманом Куайном. При этом мы выделим в онтологии языка Куайна как внутрилогические, так и внешние по отношению к логике, прикладные аспекты. Первая часть статьи будет содержать анализ изысканий Куайна на предмет критики естественного (обыденного) языка, во второй же мы обратимся к проблеме границ мира, моделируемого в языке с онтологией, предложенной Куайном.

Программой для нас работой американского логика является статья «Вещи и их место в теориях», вышедшая в 1981 году. Она во многом обобщает и уточняет онтологические взгляды Куайна, ранее излагаемые, в частности, в таких работах, как «Обозначение и существование» (1939), «Об универсалиях» (1947), «Об онтологических взглядах Карнапа» (1951), «С логической точки зрения» (1953), «Две догмы эмпиризма» (1951), «Слово и объект» (1960).

Основным вопросом, которым задается Куайн, является вопрос о том, как возможны наши рассуждения, выражаемые посредством языка, о внешних языку объектах? Очевиден онтологический статус проблемы: речь идет о существовании объектов внутри и вне языка. При этом, если внешние языку объекты действительно существуют, то языковые – принимаются. Тогда существование языковых объектов коррелятивно их принятию. Когда же, в свою очередь, говорится не о языке вообще, а о каком-то данном языке, то имеется в виду язык науки, построенный по систематически заданным правилам. Итак, первое редуцирующее допущение, принимаемое Куайном, состоит в том, что «вопрос о принятии объектов есть вопрос о **вербальном указании** (выделено мной – Ю.К.) на объекты» [1, с. 322]. Еще одно допущение (столь же редуцирующего свойства) касается ограничений в отношении языка науки и самой науки: наука представляет собой «концептуальное средство для связи одного сенсорного возбуждения с другим» [там же], и экспликация механизма такого связывания возможна только посредством языка с четко сформулированными критериями принятия объектов (как конкретных и внешних – люди и их нервные окончания, палки, камни, так и абстрактных – классы, числа).

Вербальное указание есть не что иное, как референция. Что же нужно «отредактировать» в обыденном языке, чтобы референция была удовлетворительной? Вербальное указание может быть объективным, говорит Куайн, или не быть таковым. Так, в процессе освоения языка мы неизбежно проходим стадию необъективной референции, являющейся простой реакцией на стимул. Например, при произнесении ребенком слова «молоко» выражается согласие с наличием молока или желание получить последнее. Произнесение слова «молоко» тождественно здесь произнесению безличных предложений, состоящих из одного слова: «Ветрено» (“It’s windy”); «Холодно» (“It’s cold”) и т. п. С ними можно согласиться только при наличии соответствующих сти-